DOI 10.23859/1994-0637-2020-1-94-4
УДК 811.161.1’28

© Ильина Е. Н., 2020

Ильина Елена Николаевна
Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna
Doctor of Philology, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: filfak@list.ru

БОРБУШИНСКИЙ ГОВОР КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА: ЛЕКСИКА ОДЕЖДЫ

BORBUSHINSKY DIALECT AS REFLECTION OF THE LOCAL PICTURE OF THE WORLD: NAMES OF CLOTHES

Аннотация. В статье характеризуется языковая картина мира вологодского крестьянина на основе устных рассказов сельских жителей о традиционной крестьянской одежде, обуви, головных уборах и украшениях. Комментируется внутренняя форма исследуемых слов, а также особенности контекстуальных иллюстраций их употребления. Новизна исследования видится в том, что на тематически однородном лингвистическом материале определяется специфика локальной языковой картины мира, ее обусловленность необходимостью биологического выживания в природных условиях Русского Севера и коммуникативной адаптации человека в сельском социуме.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, говоры Вологодской области, лексика одежды

Abstract. The article describes the language world picture of Vologda peasants based on the rural residents’ stories about traditional peasant clothes, shoes, hats and personal adornments. The internal forms of the words, as well as the specifics of their contextual use, are analyzed. The novelty of the research is determined by the thematically homogeneous linguistic material, which shows the uniqueness of the local language picture of the world, its dependence on the need for biological survival in the natural conditions of the Russian North and the communicative adaptation of a person in the rural society.

Keywords: dialect language picture of the world, Vologda dialects, names of clothes

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области)»).

Введение

Представления вологодских крестьян о такой важной составляющей бытовой культуры, как одежда (в том числе обувь, головные уборы, рукавицы и их украшения), уже рассматривались диалектологами в контексте изучения лексико-семантического своеобразия севернорусских говоров в их генезисе и современном состоянии[1]. Вместе с тем изучение этой группы слов на материале архива записей

[1] Паникаровская Т. Г. Отражение древнерусской и старорусской лексики в «Словаре вологодских говоров» // История русского слова: проблемы номинации и семантики. – Вологда:

речи носителей одного территориального диалекта длительное время было невозможным: первый опыт подобного рода описания осуществлен нами[1] на материале режского говора Сямженского района Вологодской области (по материалам экспедиций Вологодского государственного (педагогического) университета 1983–2009 гг.). Анализ устных рассказов местных жителей о традиционной крестьянской одежде дает возможность понять, какое место она занимала в жизни режского крестьянина и как описание одежды, обуви, головных уборов и украшений характеризует локальную картину мира: что в этой сфере определяет состав значимых объектов, служит основанием для их оценки и очерчивает круг типичных действий[2]. В данной статье, продолжая логику сделанных наблюдений, мы обращаемся к говору деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области: этот говор также изучается вологодскими диалектологами уже более тридцати лет, поэтому, исследуя вербализацию представлений об одежде в речи жителей исторического Белозерья, мы можем сопоставить результаты этих наблюдений со сделанными ранее выводами по режскому говору.

Основная часть

Логика обращения к сфере традиционной крестьянской одежды в нашей работе определяется структурой тематического раздела «Одежда, обувь» программы-вопросника «Лексического атласа русских народных говоров», потому что на его основе строилась беседа с информантами об одежде. Первой реакцией на предложение поговорить о том, что раньше носили, было, как правило, сомнение в том, что в этой сфере есть что обсуждать: «*А, д**е**вки, н**е**чего б**ы**ло нос**и**ть: ни од**ё**жи те, ни об**у**тки! Ну, г**о**лые, кон**е**чно, не х**а**живали, а всё одн**е** тряпк**и**!*». Информанты вспоминали тяжелое для страны время середины XX в., отличительной чертой которого, помимо прочего, была невозможность сделать или приобрести добротную, качественную одежду или обувь: «***И**сти н**е**чего б**ы**ло, как**а**я тут од**ё**жа! У ког**о** что б**ы**ло, к**о**ё городск**и**е мен**я**ли, к**о**ё перешив**а**ли, с **а**рмии дон**а**шивали, с м**а**тки, да с б**а**тька, да с друг**и**х роб**я**т*». Вместе с тем информанты перечисляли многие названия традиционной одежды, обуви, головных уборов, украшений и проч., выражая в описаниях этих предметов материальной культуры крестьянское отношение к одежде: она должна была защищать от неблагоприятного воздействия северной природы, быть удобной для повседневной носки и тяжелой физической работы; она давала возможность своему владельцу показать природную красоту и мастерство в рукоделии, позволяла продемонстрировать социальный статус человека и благосостояние его семьи.

Русь, 1991. – С. 72–80; Судаков Г. В. Из истории названий одежд и обуви в вологодских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. – Воронеж: [б. и.], 1974. – С. 273–275; Судаков Г. В. Названия обуви // Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка. – Москва: МГПИ, 1983. – С. 20–62 и др.

[1] Ильина Е. Н. Одежда жителей Режи как компонент локальной картины мира // Северно-русские говоры. – 2017. – № 16. – С. 120–134.

[2] Вендина Т. И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). – Москва: Индрик, 1998. – 236 с.; Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. – Екатеринбург: [б. и.], 2007. – 110 с. и др.

Общее название одежды. В качестве общих названий одежды в борбушинском говоре преобладает отглагольное существительное *одёжа* («*Маткину одёжу, как сорок-то дней прошло, дак она и пораздала*»; *«“Одежда” говорили в богатых домах, чаще говорили “одёжа”»*). Наряду с ним используются и другие отглагольные образования: *одежда*, *одёвка*, *оболочка* («*Ну, и оболочка тожо, одежда – скажут так про одёжу-то*»). Образования с компонентом *-ин-* активно используются как сингулятивы («*Одёжину-то свою повесь сушить, вымок весь*»), а также как названия совокупности предметов одежды («*Вся одёжина-то на ёй струхла*»). По отношению к основной одежде информанты дифференцируют ту, которая поддевалась для тепла («*Поддёвок-то надень на себя!*») и предназначалась для переодевания («*Батько, переодёвку в баню не забудь! Когда одёжа становится грязной, достают перемённую*»). Одежду, надеваемую в праздничные дни, информанты называют *наряд* («*Нарядов матка накупила – чего в клуб-то не ходить?*»), определяют через прилагательное *баской* и его производные («*Когда побаще, дак уж наряд*»; «*Баскую-то одежду я берегла, мало её было*»), а также указывают назначение одежды *на выход*, *в люди*: «*Одёжа простая, без басоты, а баская, дак на выход*»; «*Она и завсё, и в люди в этом ходит – валявка и есть!*». В качестве нарядной одежды информанты вспоминают костюм: женскую *пару*, *парочку*, состоящую из юбки и кофты («*Справили девке пару*»; «*Парочек-то особо не нашьёшь – дорого*»), и мужскую *пару* – брюки и пиджак – или *тройку*, включавшую в себя, помимо перечисленного, еще и жилет: «*На гулянку пинжаки надёнут, брюки – вот и есть пара, а кто пофасонистей, дак ещё жилетку – вот, говорили, какой славутной парень-то, какая у его тройка-то баская!*». По соотношению с нарядной одеждой информанты характеризуют одежду будничную: «*Будничная обувь была и выходная*»; «*На беседу-то пойдёшь – хожалую одежду не одевай*»; «*В этой пальтушке я завсё хожу*». Различение в обиходе будничной и нарядной одежды считалось нормой, отклонения от которой вызывали общественное осуждение: «*Уж больно ты фасонистая, девка! Сегодня какой праздник, ты так вырядилась-то?*»; «*Она и завсё, и в люди в этом ходит – валявка и есть!*»; «*Росли – ничего-то у нас не было, а всё равно на гулянку-то идёшь – дорогой-то в худом, а в кутыле переодёвку несёшь, да чтоб маленько-то почище, да если есть – баретки ли, тапки какие*». По соотношению с обычной маркировалась крайне изношенная, ветхая одежда («*Сними свои тряпки-то, уж выбросить пора!*»; «*Труньё – уж вовсё худая одёжа, тряпки*»; «*Всё латаньё сожгли на костре*»; «*В трунье ходить, дак осудят – пошто биднишься!*»; «*Одёжа худая, в дырьях*»), а также та, которая сшита излишне просторно («*Уй, как балахон шьёт! Не платье, а балахон какой-то!*») или узко («*Балахон и огибенька – не такая какая-то одежда*»; «*Обдергушка – узка ли нет?*»).

Действия по отношению к одежде. В составе глаголов, эксплицирующих действия по отношению к одежде, ведущее место занимают слова со значениями ʻнадеть (надевать) одежду’: *одеть*(*ся*) / *одевать*(*ся*) («*Больно уж оделась нехорошо!*»); *надеть* / *надевать* («*Матка, надевай рубаху, а то холодно*»); *оболочь*(*ся*) / *оболокать*(*ся*) («*Батько, оболокайся быстрей, да пойдём в лес*»); *накидать* / *накинывать* («*Накинывай фуфайку-то*»; «*Накидай пальтушку*») и др. По соотношению с этими глаголами функционируют слова со значениями ʻраздеть(ся) / раздевать(ся)’ («*Вася, разболокайся давай да садись ужинать!*»; «*Раздень ся, а то жарко*»; «*Раз-*

*бол**а**кивались т**у**та, д**а**льше не шли в од**ё**же*»); ‘поддеть (поддевать) под одежду’ («*Подд**е**нь к**о**фту в**я**заную*»; «*Поддев**а**ть под эту фуф**а**йку не н**а**до, он**а** б**о**льно т**ё**плая*»; «*Вздев**а**ть руб**а**ху*»); ‘переодеть(ся) / переодевать(ся)’ («*Перекид**а**й руб**а**ху-то*»; «*Перед**е**лась б**ы**стренько и пошл**а***»); ‘надеть (надевать) одежду сверх меры’ («*Ой, наздев**а**л тут!*»; «*Ты оп**я**ть нав**и**рзала*»; «*Навздев**а**ться тёпл**о***»; «*Наздев**а**ла на себ**я**, как кул**ё**ма теп**е**рь*»); ‘кутать(ся) / закутать(ся)’ («*Зак**у**хтаться – мн**о**го од**ё**жи на себ**я** од**е**л, ук**у**тался **э**тим вс**я**ким*»; «*Зак**у**шкалась, как Матр**ё**на. Разболок**и**сь м**а**лость!*»); ‘застегнуть (застегивать) застежки на одежде’ («*Застег**а**ться на все п**у**говки*»; «*Чег**о** ты весь откр**ы**тый – застегн**и**сь!*»; «*Н**а**до бы застегн**у**ться, да больно р**у**ки бол**я**т*»; «*Зас**т**егивать ворот**о**к-то н**а**до*»). В исследуемом говоре активно функционируют различного рода отглагольные образования: «*Разд**е**мшись-то не ход**и** – зам**ё**рзнешь!*»; «*Од**е**мшись, пошл**а** я кор**о**ву до**и**ть*»; «*Од**е**мши к**а**таньки*»; «*Полуш**у**бок снаряд**и**л нарастоп**а**шку*»; «*Ш**у**ба над**е**та у нег**о** внак**и**дку*»). Особым образом обозначается действие по отношению к нарядной одежде: в первую очередь, это глагол *бас**и**ть* ‘наряжать’ («*Бас**и**т д**е**вку-то л**и**шка!*») и его производные: *бас**и**ться* («*Уж он**а** перед **и**м бас**и**лась-бас**и**лась, а шт**ё**?*»); *в**ы**басить*(*ся*) / *выбаш**а**ть*(*ся*) («*В**ы**басила д**е**вку – л**ю**бо-д**о**рого смотр**е**ть!*»; «*Выбаш**а**ться гр**е**х стар**у**хам-то*»); *избас**и**ть*(*ся*) / *избаш**а**ть*(*ся*) («*Избас**и**л, изнаряж**а**л молод**у**ху-то*»; «*Избаш**а**ться от дурн**ы**х-то д**е**нег див**ья**!*»); *разбас**и**ть*(*ся*) / *разбаш**а**ть*(*ся*) («*Разбас**я**тся на гул**я**нку-то*»; «*Разбаш**а**ться см**а**лу-то не приуч**а**й, и т**а**к-то б**о**льно бал**о**ваны!*»); *убас**и**ть*(*ся*) / *убаш**а**ть*(*ся*) («*Убас**я**тся, уж кто как м**о**жет, на бес**е**ду*»; «*Когд**а** и убаш**а**ться, как не д**е**вкам?*»). Контекстуальное окружение этих глаголов дает возможность определить одобряемые социумом условия совершения данного действия (наряжать себя или кого-либо *на беседу*, *на гулянку*, *в девичестве*, с целью *произвести благоприятное впечатление* на объект симпатии) и, наоборот, неодобряемые (наряжать *раньше* или *после* достижения определенного *возраста*, демонстрировать излишнюю *вычурность* наряда или чрезмерный *достаток*). О бережном отношении к одежде свидетельствует активное функционирование в борбушинском говоре глагола *лат**а**ть* ‘зашивать, ставить заплаты’ («*Лат**а**ть од**ё**жу*») и производных от него глаголов («*Б**а**тько, залат**а**ла теб**е** штан**ы***»; «*Подл**а**таны – и л**а**дно, пон**о**сишь ишш**о***») и существительных («*Л**а**тки ст**а**вили на в**а**ленки, закрыв**а**ли д**ы**рки*»; «*Сид**е**ть над латан**и**ной*»; «*Всё латань**ё** сожгл**и** на костр**е***»).

Верхняя одежда. Исследователи традиционного русского костюма[1] неоднократно обращали внимание на то, что верхняя одежда мужчин и женщин слабо дифференцировалась по основному крою: ее отличительными особенностями были детали (длина, характер отделки, наличие или отсутствие украшений и проч.). Это утверждение представляется вполне оправданным по отношению к верхней одежде жителей исторического Белозерья. Информанты, рожденные в первой трети XX в., вспоминают традиционные названия крестьянской верхней одежды («*Пойд**у** как корь**ё** драть, так зип**у**н и надев**а**ю*»; «*Кафт**а**н нос**и**ли бог**а**тые*»; «*Серм**я**гу да балах**о**н но-*

[1] Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / под редакцией С. А. Токарева. – Москва: АН СССР, 1956. – С. 543–805; Работнова И. П. Русская народная одежда. – Москва: Легкая индустрия, 1964. – 75 с. и др.

сили, одёжа такая была»; «*Армяк – пинжак вроде шубы у мужиков*»), но уже слабо дифференцируют ее: «*Шубы раньше носили длинные, до пят, выходные*»; «*Шубник вроде пиджака, полушубок*». Более подробно информанты описывают одежду из материалов промышленного производства, вошедшую в крестьянский обиход во второй половине XX в.: «*Фуфайку стегали сами портные*»; «*Ватник – та же фуфайка*»; «*Зима наступила – надо в куфайку оболокаться*»; «*Пальтушка у меня больно добра!*»; «*Короткая – пальтушка, а подлиньше уж пальто*»; «*Мы в капотах да в саках не хаживали*»; «*Залатанная куртёшка, а любая*» и др.

Женская одежда. Традиционные составляющие северного женского костюма – верхняя плечевая одежда, сарафан, рубаха и фартук[1]. В беседах с жителями деревни Борбушино были упомянуты все эти составляющие, но с различной степенью отчетливости их характеристики. В качестве основной верхней женской одежды информанты вспоминают ***сак***: это слово получило в русском языке весьма широкое семантическое развитие, с одной стороны, служа общим названием верхней женской одежды, а с другой – называя отдельные ее виды[2]. В наблюдаемом говоре данное слово называет укороченное женское пальто: «*Модные саки носили: рукава вверху пышные, из дорогого материала шили, дорогой наряд, чуть пониже колен*». В качестве одного их устаревших названий верхней демисезонной одежды информанты вспоминают также ***капот*** («*Капот – это осеннее и весеннее пальто*»; «*Мы не старопрежние, капотов не нашивали*»), отдавая предпочтение другим названиям относительно короткой верхней одежды (*бархотка, жакет, жакетка, коротайка, пальтушка, плисовка, френчик*), дифференцируемой по крою и материалу: «*Так были пальтушки, только непростёганные, покрытые материей*»; «*Жакетка плюшевая, бархатная*»; «*Как на гулянку иду, так бархотку и одеваю*». Обязательным атрибутом женского костюма в холодное время года была утепленная кофта («*Распашонка – кофта на пуговках*»; «*Вязанка размалахталась сильно, так перевязать бы надо*»; «*Завязушка связана из шерсти рукам*»), в том числе и без рукавов: «*Душегрейка меня от мороза спасает*»; «*Безрукавник – длинный, тёплый ватник, с пуговицами или без пуговиц*»; «*На кофту-то огибеньку надень!*»; «*Тёплая кофтёнка, всё жулетка звали*»; «*Тесная телогрея, раздалась я, поди*». В качестве основной женской одежды информанты называют сочетание юбки и кофты («*Сегодня к Фёдо-*

[1] Кудряшова Р. И. Названия женского фартука в переселенческих говорах Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995 / под редакцией И. А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. – С. 176–181; Осипова Е. П. Типы передников и их наименования в Рязанском крае // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995 / под редакцией И. А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. – С. 193–198; Судаков Г. В. Старинная женская одежда и ее наименования // Русская речь. – 1999. – № 4. – С. 109–115; Крылова О. Н. Наименования сарафана в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999 / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2002. – С. 248–253; Крылова О. Н. Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах (ономасиологический и семасиологический аспекты): дис. … канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2002. – 235 с.

[2] Новикова Е. И. Названия одежды в русских говорах Карелии (семантика слова *сак* и его производных) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1997 / под редакцией И. А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2000. – С. 92–96.

ровне на беседу пойду, дак юбку с кофтой и одену»; «*А юбки ткаными, из пряжи*»; «*Стан одену да кофтёнку*»), платье («*Платьё шили из головных платков*»; «*Как-то мама мне подарила баское платьишко*») и различного рода сарафаны («*Сарафаны были только праздничные*»; «*Длинный сарафан*»), внутренняя форма названий которых дифференцирует их по материалу («*Был у меня шелковник, да сгорел*»; «*Ситцевик мы с сестрой один на двоих носили*»; «*Узорчатой китайник*»; «*Нарядилась в кубовик*»; «*Крашеник марается меньше*»; «*Выгорел кумачовник*»; «*Вышла в пестрядиннике*»; «*Подарила мне набивник золовка*») и назначению («*Принеси мне будник – переоденусь хоть*»; «*В домашнике я всю работу делаю*»). В качестве нижней одежды информанты называют рубаху («*Исподка пообносилась вся, надо новую справлять*»; «*Я станушку одену*»; «*Под платье всегда исподницу поддеваю*»), достаточно подробно характеризуют детали ее кроя («*Воротушка – нет воротника, как кофту к юбке пришивали*»; «*Воротушка у меня синяя была*»; «*Станом и пришивали воротушку к юбке*»), подчеркивая в описаниях особую тщательность шитья и украшения тех частей рубахи, которые были видны постороннему взгляду: «*Рубаху по подолу обделывали, поподольницу нашивали баскую*»; «*Воротушка – коё место видать, дак розошьём побаще*». Чтобы защитить одежду и тело человека в процессе выполнения различного рода работ, женщины использовали фартуки («*Фартук всегда надеваю у печки-то*»; «*Дочка, дай мне передник – боюсь платье замарать*»; «*Как надергиш одену, так и хожу в нём целый день*»; «*Чтобы юбку не запачкать, всегда напузник одеваю*») и нарукавники («*Наруковник, когда ходили на сено, чтобы руки не кололо*»).

Мужская одежда. На фоне достаточно разнообразного и весьма подробного описания женской одежды описание одежды мужской выглядит значительно скромнее. Информанты вспоминают мужские ***рубахи*** различного кроя («*Холст наткала, пойду рубахи шить робятам*»; «*Косоворотка – рубаха, ворот набоку, шили из льняного полотна, тасёмочку нашивали для красоты*»; «*Манишка – вставная часть к рубашке, её можно было переставлять, она была к праздничной рубашке*»), ***штаны*** («*В деревне больше в штанах ходили, брюками называли, если высоко шито*»; «*Порты-то твои постирать надо*»; «*Изорвал портки*») и их составные части («*Одна портошница запачкалась*»; «*Серёдыш – та же ширинка, выпал серёдыш – застегни!*»; «*Опушка у брюк, где ремень вставляется*»; «*На задницу надо латку поставить*»), ***пояс*** («*Опушка у брюк, где ремень вставляется*»; «*Опоясник-то надо?*»; «*Кушаком подвязывались на всё, верёвку подвязал – вот тебе и кушак!*») и – из более поздних приобретений повседневного мужского костюма – ***пиджак*** («*С войны пришли – кто в чём ходили, топерь больше пинжаки носят*»). Информанты также вспоминают множественные названия для нижнего мужского белья: «*Исподнее стирать почаще надо!*»; «*Кальсоны и подштанники – одно и то же*»; «*Исподники у него редко когда не грязные*»; «*Портки – дак это короткие были, чуть ниже колен, а длинные шили, когда холодно*».

Обувь. Общие названия обуви и комплекс действий по отношению к ней в борбушинском говоре эксплицируется словами корневого гнезда со связанным корнем -*у*-: *обувь*, *обутка*, *обуть*(*ся*) / *обувать*(*ся*), *разуть*(*ся*) / *разувать*(*ся*) и др. («*Обувь обуткой до сих пор зовём*»; «*Обувки раньше мало было*»; «*Обуйся, не ходи босиком!*»; «*Матка, обувай катанки да в баню пойдём*»; «*Нужно переобуть ботинки*»;

«*Сапоги-то смокли все, переобуйся давай!*»; «*Обумшись-то не ходи, пол вымыла ведь!*»; «*Матвеевна, розувайся да иди чай пить!*»; «*Разумши к столу проходят, чтобы не наследить*»). Разделяя обувь повседневную и выходную («*Выходку я на гулянье берегу*»), информанты употребляют достаточно много отглагольных названий, преимущественно для изношенной, старой, потерявшей вид обуви: «*Да брось ты эту рвань!*»; «*Опорки – это изношенная обувь*»; «*В огород-то ходить и в опорках добро!*»; «*Насовы и в лес, и в огород, и на работу ношу*». На фоне общих названий обуви[1] дифференцируются наименования ***плетёной*** («*Лапти плели из берёсты, ходили жать в лаптях, были без завязок*»; «*Берестники у меня до сих пор на полатях лежат*»; «*Лыковые лапти у меня свёкор плёл добро*»; «*Ступни были в моде, из бересты, на голую ногу*»; «*Босовики я летом в огород ношу*»; «*Коты нынче уже не носят*»; «*Из отрепий лапти, навязанные крючком*»), ***валяной*** («*Катаньки, валяные из шерсти, кожей обшивали рваные места*»; «*Чуни – отрезанные валенки*»; «*В катаниках в школу ходили*»), а также ***шитой*** из кожи или текстильных материалов обуви, которая различалась в зависимости от кроя («*Крюки – целиковые сапоги, шились из одного куска кожи, несшивные*»; «*Бродни – более высокие, выше колен, но не до задницы*»; «*У башмаков каблуки были всякие*»; «*Опорки – голенища отрезаны у сапогов*»), от материала («*Сапоги бывавли хромовые, яловые*»; «***Юф**тевые сапоги из некрашеной кожи*»), а также по назначению («*Ботинки сами шили, со шнурками до колен, только в церковь носили*»; «*На работу я в ботах хожу*»; «*Бутсы – не сапоги, а покороче, они только на работу*»; «*На рыбалку как иду, так обязательно надо броды надевать*»; «*Допохол – охотничьи, рыбачьи сапоги*»). Информанты выделяют также более позднюю по времени появления, но весьма удобную ***резиновую*** обувь: «*В ризиновых-то сапогах куда ни пойди – везде ладно!*»; «*На двор в ризине, в огород, за какой надобностью в лес леший погонил – лучше ризины нету!*»; «*Калоши – это модно было*»; «*У Алёши есть калоши, и мне тоже заведут. А за Алёшу, за мазурика меня не выдадут*»; «*В слякоть-то мокроступы на катаники оденешь, и больно добро!*» Под обувь традиционно надевались портянки, онучи («*А носок раньше не было – были онучи, портянки*»), вязаные носки и чулки («*Всем робятам по носкам связала*»; «*Чулки самодельные, сами вязали, плели, только на праздники, из шерсти, на верёвках – никаких резинок не было, вокруг ноги завязками завязывали*»; «*Теперь не могу шерстянок носить – ноги от резинок болят*»). Ценность обуви определялась ее прочностью, функциональностью и удобством: «*Кожаныё тапки уж какиё хорошиё! Нога не приёт, и лёгкиё, и сносу нету!*» После того, как обувь приходила в негодность, ее остатки использовались для различных хозяйственных нужд: «*Мухобойку дедко из катаника сделал, из голенища*»; «*Избу мыли коё вехтем, коё лапоть худой брали*».

[1] Судаков Г. В. Из истории названий одежд и обуви в вологодских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. – Воронеж: [б. и.], 1974. – С. 273–275; Халюков А. В. Наименования кожаных сапог в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2001–2004 / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – С. 233–237; Толкачева И. В. Диалектные названия обуви в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 615–625.

Головные уборы. В качестве основного головного убора борбушинские информанты называют платок: четырехугольный («*Платок, да каймá пришивная, то ли рисунок с каймой*»; «*Одену фату вот эту*»; «*Наколпак – платок, повязанный за концы сзади*») или треугольный («*Косынки плетёные распространены были, все девушки плели косынки, жёлтые, кремовые и чёрные*»; «*Из платка два коска получалось*»; «*Гарусовка – лёгкий платок из овечьей, козьей шерсти*»; «*Ой, в гарусовочке пришла*»); выделяют теплый платок значительных размеров («*Тепло стало, можно теперь без подшалка ходить*»; «*Был у меня плат, да моль весь съела*»), а также припоминают названия некоторых других старинных женских головных уборов: «*Старые женщины не носили шапочек, а носили капор, чтоб теплее было*»; «*Кокошник – слыхать слышали, а что оно значит?*» Подобные же наблюдения мы встречаем в работах исследователей названий женских головных уборов в других русских говорах[1]: традиции ношения платка в русской деревне сохранялись значительно дольше («*Платочёк ситцевой дома носили, уж на гулянку – дак покрасивше, на работу – дак потепляя, а всё в платочке*»). Ношение женщинами других головных уборов, как отмечают наши информанты, было показателем иного социального статуса («*С городу понаедут, дак в шапках, а наши дак всё в платочках*»), среди «своих» это не особенно одобрялось: «*Я хоть и учительница была, а шапок отродясь не нашивала – вот уж старуха, а почто мне шапки? Я к Коле-то жить приехала в Вологду, дак бабка Калиственья, Сергея-то Павловича мать, тоже деревенская – смотрю, в шапке. А и померла к весне. И Кудрявцева баушка, смотрю, шапку носит. Из деревни вернулась осенью – а нету Кудрявцевой баушки, всё, закопали. Вот тебе и шапка! Нет уж, я лучше в платочке, да поживу ещё!*» Среди мужских головных уборов на Русском Севере наблюдается большее разнообразие[2]: это различные виды меховых шапок («*Ушанка – шапка с ушами*»; «*К наушонке пришит козырёк да завязочки*»; «*Треух – шапка с тремя ушами*»; «*На рыбалку иду и треух одеваю*»; «*Папаха – стоячая шапка, барашковая и цигейковая была*»; «*Кубанки меховые из мелкого меха, с отделкой, невысокие, прямые, только молодёжь носили*»), а также изделий из текстильных материалов и кожи («*Кепки были матерчатые, кожаные, небольшие, в козырьком, обтянутым материалом, голову обтягивали. Фуражки у военных были, с приплюснутым козырьком, только привозные были. Картуз высокий, с козырьком фуражка, перёд-то высокий и склон такой круглый*»). Чаще всего крестьянин носил зимой шапку-ушанку, а летом кепку. Эти головные уборы отличались удобством и износоустойчивостью: «*Гриша всё в кепке ходил, сколь помню – бежит, хромает, всё в кепке. Ну, зимой, понятно, шапка с ушам, а так всё в кепке – похолодняя, дак с пальтушечной ткани, а так дак Нинка ему привезла какую-то тряпошную, в ёй и бегал*».

Рукавицы. Рукавицы использовались в крестьянском обиходе весьма активно, поэтому информанты описывают эту часть традиционного крестьянского костюма

[1] Климкова Л. А., Назарова И. В. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999 / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2002. – С. 216–222.

[2] Ненашева Л. В. Названия головных уборов в говорах Архангельской области // Русский язык: история, диалекты, современность. – Москва: Московский государственный областной университет, 2016. – Вып. XV. – С. 41–46.

весьма подробно. Рукавицы шились из домотканого холста («*Холщовые рукавицы изо льна делали*»; «*Дрова-то таскать больно в верхницах добро!*»; «*Холщовки изо льна, рабочие*»), из овчины («*У меня двои шубенки есть, до чего тёплые!* »), выделанной кожи («*Кожанки – это рабочие, до локтя*»; «*Голицы-то в печурку клади*»; «*Краги – кожаные рукавицы вроде надергушек*»), вязались из овечьей шерсти («*На зиму всем поволоки спутала*»; «*Вязанки – вязаные рукавицы*»). Информанты дифференцируют рукавицы, надеваемые для тепла («*Исподни я всегда для тепла одеваю*») и защищающие руки во время тяжелой, грязной работы («*Надергушки носили под рукавицами и поверх*»; «*Надергаши наденьте – так поволоки не рвутся*»); различают составные части рукавицы: ее внешнюю часть («*Затыльники у варежки больно баски связала!*»), внутреннюю («*У рукавицы есть наладонник, или ладошка*»; «*Наладонки надо потолще вязать, а то рвутся быстро*»), закрывающую большой палец («*Напалок к варежке пришивали*»; «*Палец-то на особицу делали*»), составляющую внешний край («*Ризиночку-то побаще провязываёшь, полоскам*»). Значительно реже, для выполнения особых работ, в хозяйстве использовались рукавицы, оставляющие свободными все пальцы руки: «*Перчатки беспаловые – вот рыбакам-то они и нужны*». Основными достоинствами рукавиц считались их устойчивость к износу («*Со своёй-то шерсти, как хорошо опрядёшь-то, да высушишь, дак не сопрют, долго носятсё, а покупны́е, дак сразу дырьям пойдут*»), способность защитить руки («*В дровяник пошла за дровам, а без рукавиц, дак руки-то занозит, чего уж бы рукавицы не взеть?*») и сохранить тепло («*У меня двои шубенки есть, до чего тёплые!*»).

Украшения. Для украшения одежды использовались разные детали кроя («*Вшила ластовицы*»; «*Подпазухи прохудились, так надо новые поставить*»; «*Юбки шили борам, не как сейчас – всё обтянуло, у нас пышненько было!*»; «*Шила платье, так рюшки напереди нашила*»), различные технологии ткачества и вязания («*Браный-то холст на рубахи тожо пускали*»; «*Ризиночку-то побаще провязываёшь, полоскам*»), а также разного рода отделка и оторочка («*Оторочка платья, узоры или кайма*»; «*Тасёмочку нашивали для красоты на хорошие рубахи*»; «*Тосьма шёлковая бывает*»; «*На выходной одёвке и галунец пришивался*»; «*Нашивки на воротниках были*»); для отделки применялась вышивка («*Вышивка на рукавах, на подоле была*»), плетеное или вязаное кружево («*Кружева коклюшками плели из ниток катонных, все рубашки, скатерти с кружевами были*»; «*Прошва – полоса кружев, вышитых в пяльцах*»; «*Вон у батька на рубахе какая вязьба баская!*»), бисер («*На розовой кофте наплечники, из бисера сделаны*»), позволявшие показать мастерство хозяйки наряда. Теплую одежду зажиточные хозяева могли оторочить мехом («*Барашком безрукавочка-то сделано*»; «*Меховая опушка понизу*»). Информанты вспоминают названия различных ювелирных украшений, но преимущественно в отрицательных конструкциях: «*Басов-то больно не было, бедно жили. Серьги мало носили. Подвески редко брали*»; «*В молодости-то я колец не носила*»; «*А я перстни не носила дак*». Упоминание о ювелирных украшениях обычно соседствует с особым событием, с которым было сопряжено появление этого украшения: «*Тогда ещё в церковь ходили, и были венчальные кольца*»; «*На именины мне янтарну браслетку подарили*»; «*Было у меня монисто. Как сошлись с Васенькой, подарил он мне*». Из обязательно надеваемых атрибутов костюма информанты вспоминают девичьи ленты («*Ленты обязательны,*

каждая девица имела ленту»), головной платок («*По избе в платке ходили ситцевом, в ём и спали, и сейчас вон которая постарше баушка – дак все в платочках*»), нательный крест («*На цепке я крестик ношу*») и пояс («*Без кушака не ходили – холодно, да и не по-черёдному*»). Как и в других русских говорах, наиболее разнообразными были названия украшений, надеваемых на шею[1]: «*Бусы носили янтарные, стеклянные и непрозрачные, из крушины делали*»; «*Ожерелье на шее носили*»; «*Кашне носили на шее*»; «*Бисерьё я только на гулянку одевала*».

Выводы

Таким образом, лексика одежды в борбушинском говоре эксплицирует типичные свойства языковой картины мира сельских жителей Русского Севера. Информанты выделяют те свойства одежды и обуви, которые обеспечивают защиту человека от неблагоприятных природных условий, дают ему возможность совершать в течение длительного времени различные трудовые действия, а также служат внешней идентификации человека как носителя гендерной, социальной, локальной культуры.

Литература

Бакланова И. В. Наименования янтарных бус в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 59–69.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). – Москва: Индрик, 1998. – 236 с.

Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. – Екатеринбург: [б. и.], 2007. – 110 с.

Ильина Е. Н. Одежда жителей Режи как компонент локальной картины мира // Северно-русские говоры. – 2017. – № 16. – С. 120–134.

Климкова Л. А., Назарова И. В. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999 / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2002. – С. 216–222.

Крылова О. Н. Костюм крестьянки Русского Севера как знаковая система // Русская культура нового столетия. Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / под редакцией Г. В. Судакова. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 554–560.

Крылова О. Н. Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах (ономасиологический и семасиологический аспекты): дис. … канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2002. – 235 с.

Крылова О. Н. Наименования женской рубахи (на материале севернорусских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999 / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2002. – С. 224–228.

Крылова О. Н. Наименования сарафана в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999 / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2002. – С. 248–253.

[1] Бакланова И. В. Наименования янтарных бус в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 59–69.

Кудряшова Р. И. Названия женского фартука в переселенческих говорах Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995 / под редакцией И. А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. – С. 176–181.

Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / под редакцией С. А. Токарева. – Москва: АН СССР, 1956. – С. 543–805.

Ненашева Л. В. Названия головных уборов в говорах Архангельской области // Русский язык: история, диалекты, современность. – Москва: Московский государственный областной университет, 2016. – Вып. XV. – С. 41–46.

Новикова Е. И. Названия одежды в русских говорах Карелии (семантика слова *сак* и его производных) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1997 / под редакцией И. А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2000. – С. 92–96.

Осипова Е. П. Типы передников и их наименования в Рязанском крае // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995 / под редакцией И. А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. – С. 193–198.

Паникаровская Т. Г. Отражение древнерусской и старорусской лексики в «Словаре вологодских говоров» // История русского слова: проблемы номинации и семантики. – Вологда: Русь, 1991. – С. 72–80.

Работнова И. П. Русская народная одежда. – Москва: Легкая индустрия, 1964. – 75 с.

Судаков Г. В. Из истории названий одежд и обуви в вологодских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. – Воронеж: [б. и.], 1974. – С. 273–275.

Судаков Г. В. Названия обуви // Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка. – Москва: МГПИ, 1983. – С. 20–62.

Судаков Г. В. Старинная женская одежда и ее наименования // Русская речь. – 1999. – № 4. – С. 109–115.

Толкачева И. В. Диалектные названия обуви в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 615–625.

Халюков А. В. Наименования кожаных сапог в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2001–2004 / под редакцией А. С. Герда. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – С. 233–237.

References

Baklanova I. V. Naimenovaniia iantarnykh bus v russkikh narodnykh govorakh [Nominations of amber beads in the Russian dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia)* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies); ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, pp. 59–69.

Vendina T. I. *Russkaia iazykovaia kartina mira cherez prizmu slovoobrazovaniia (makrokosm)* [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik, 1998. 236 p.

Demidova K. I. *Dialektnaia iazykovaia kartina mira i aspekty ee izucheniia* [Dialect linguistic world picture and aspects of its studying]. Ekaterinburg, 2007. 110 p.

Il'ina E. N. Odezhda zhitelei Rezhi kak komponent lokal'noi kartiny mira [Clothes of Rezha inhabitants as an element of the local picture of the world]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian dialects], 2017, no. 16, pp. 120–134.

Klimkova L. A., Nazarova I. V. Leksika zhenskikh golovnykh uborov v nizhegorodskikh govorakh [Lexis for women headwear in the Nizhny Novgorod dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh*

narodnykh govorov (materialy i issledovaniia) 1999 [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies) 1999; ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: ILI RAN, 2002, pp. 216–222.

Krylova O. N. Kostium krest'ianki Russkogo Severa kak znakovaia sistema [Peasant dress in the Russian North as a semiotic system]. *Russkaia kul'tura novogo stoletiia. Problemy izucheniia, sokhraneniia i ispol'zovaniia istoriko-kul'turnogo naslediia* [Russian culture of the new century. Issues of studying, preserving and using historical and cultural heritage; ed. by G. V. Sudakov]. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2007, pp. 554–560.

Krylova O. N. *Naimenovaniia verkhnei zhenskoi odezhdy v severnorusskikh govorakh (onomasiologicheskii i semasiologicheskii aspekty)* [Nominations of women outer clothing in the Northern Russian dialects (onomasiological and semasiological aspects): PhD thesis in philol. sci]. St Petersburg, 2002. 235 p.

Krylova O. N. Naimenovaniia zhenskoi rubakhi (na materiale severnorusskikh govorov) [Nominations of women's shirt (by the material of the Northern Russian dialects)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia) 1999* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies) 1999; ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: ILI RAN, 2002, pp. 224–228.

Krylova O. N. Naimenovaniia sarafana v severnorusskikh govorakh [Nominations of sarafan in the Northern Russian dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia) 1999* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies) 1999; ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: ILI RAN, 2002, pp. 248–253.

Kudriashova R. I. Nazvaniia zhenskogo fartuka v pereselencheskikh govorakh Volgogradskoi oblasti [Nominations of women apron in the resettlement dialects of Vologda region]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia) 1995* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies) 1995; ed. by I. A. Popov]. St Petersburg: ILI RAN, 1998, pp. 176–181

Maslova G. S. Narodnaia odezhda russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX – nachale XX veka [Folk clothes of the Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX – beginning of the XX centuries]. *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik: Ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX – nachale XX v.* [East Slavic ethnographic collection: essays on folk material culture of the Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX – beginning of the XX centuries; ed. by S. A. Tokarev]. Moscow: AN SSSR, 1956, pp. 543–805.

Nenasheva L. V. Nazvaniia golovnykh uborov v govorakh Arkhangel'skoi oblasti [The names of headwear in the dialects of Arkhangelsk region]. *Russkii iazyk: istoriia, dialekty, sovremennost'* [The Russian language: history, dialects, modern times]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2016, vol. XV, pp. 41–46.

Novikova E. I. Nazvaniia odezhdy v russkikh govorakh Karelii (semantika slova *sak* i ego proizvodnykh) [Nominations of clothing in the Russian dialects of Karelia (the semantics of the word *sak* and its derivatives)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia) 1997* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies) 1997; ed. by I. A. Popov]. St Petersburg: ILI RAN, 2000, pp. 92–96.

Osipova E. P. Tipy perednikov i ikh naimenovaniia v Riazanskom krae [Types of aprons and their nominations in the area of Ryazan]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia) 1995* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies) 1995; ed. by I. A. Popov]. St Petersburg: ILI RAN, 1998, pp. 193–198.

Panikarovskaia T. G. Otrazhenie drevnerusskoi i starorusskoi leksiki v "Slovare vologodskikh govorov" [Reflection of Old Russian lexis in the "Dictionary of Vologda dialects"]. *Istoriia russkogo slova: problemy nominatsii i semantiki* [History of the Russian word: aspects of nomination and semantics]. Vologda: Rus', 1991, pp. 72–80.

Rabotnova I. P. *Russkaia narodnaia odezhda* [Russian folk clothing]. Moscow: Legkaia industriia, 1964. 75 p.

Sudakov G. V. Iz istorii nazvanii odezhd i obuvi v vologodskikh govorakh [From the history of nominations for clothing and footwear in Vologda dialects]. *Soveshchanie po obshcheslavianskomu lingvisticheskomu atlasu. Tezisy dokladov* [Seminar on the Common Slavic linguistic atlas. Proceedings of abstracts]. Voronezh, 1974, pp. 273–275.

Sudakov G. V. Nazvaniia obuvi [Nominations of footwear]. *Sudakov G. V. Leksikologiia staro-russkogo iazyka* [Lexicology of the Old Russian language]. Moscow: MGPI, 1983, pp. 20–62.

Sudakov G. V. Starinnaia zhenskaia odezhda i ee naimenovaniia [Old-fashioned women clothing and its nominations]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 1999, no. 4, pp. 109–115.

Tolkacheva I. V. Dialektnye nazvaniia obuvi v nizhegorodskikh govorakh [Dialect nominations of footwear in Nizhny Novgorod dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia)* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies); ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, pp. 615–625.

Khaliukov A. V. Naimenovaniia kozhanykh sapog v orlovskikh govorakh [Nominations of leather boots in Orlovsky dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia) 2001–2004* [Lexical atlas of the Russian folk dialects (materials and studies) 2001–2004; ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: Nauka, 2004, pp. 233–237.

Для цитирования: *Ильина Е. Н.* Борбушинский говор как отражение локальной картины мира: лексика одежды // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 1 (94). – С. 44–56. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-1-94-4

For citation: Ilyina E. N. Borbushinsky dialect as reflection of the local picture of the world: names of clothes. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 1 (94), pp. 44–56. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-1-94-4